

СЕМЕЙНЫЙ САСПЕНС

ФИОНА БАРТОН
ВДОВА

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б26

Fiona Barton
THE WIDOW

Copyright © Fiona Barton, 2016
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and
The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Н. Флейшман*
Художественное оформление *М. Коняевой*

Бартон, Фиона.
Б26 Вдова / Фиона Бартон ; [пер. с англ. Н. Флейшман]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-098713-9

Жизнь скромной и тихой Джин, примерной жены Глена Тейлора, изменилась в тот день, когда в городе пропала маленькая девочка, а в дверь к супругам постучалась полиция. Ее идеального мужа обвинили в похищении. Конечно же, это ошибка, Глен и мухи не обидит. Так она и говорила всем вокруг.

А теперь муж мертв, можно уже не таиться. Столько людей хотят услышать правду, узнать, что произошло на самом деле и как-то это — жить с чудовищем. Слово за несчастной вдовой, которая давно поняла, что может заставить людей поверить во что угодно. Но кого легче обмануть — других или себя?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098713-9

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Посвящается
Гарри, Тому и Люси,
без которых все на свете
теряет значение*

От автора

Дорогой читатель!

Мне привелось довольно долгое время наблюдать за людьми. Причем не просто где-нибудь в кафе или на вокзале — а по работе. Будучи журналистом, я сделалась, можно сказать, профессиональным наблюдателем («наторелым следаком», как шутим мы между собой), научившись читать язык тела, улавливать малейшие жесты, подмечать характерные для каждого словечки, интонации — то есть видеть и слышать все то, что делает нас столь неповторимыми и интересными для других.

Долгие годы мне доводилось брать интервью и у жертв преступлений, и у осужденных, у людей весьма известных и самых обычных, у тех, кого настигла трагедия и кто встретил на своем пути добрую удачу. Но, странное дело, далеко не всегда мне запоминались люди, притянувшие к себе всеобщее внимание. В память подчас особенно врезались как раз те, что оказывались на периферии событий, — второстепенные участники разыгравшейся драмы. Некоторые и до сих пор встают у меня перед глазами.

На громких судебных процессах, где разбирались ужасные преступления, потрясавшие общественность и

мелькавшие в первых заголовках новостей, я всякий раз ловила себя на том, что наблюдаю за женой сидящего на скамье подсудимых, подспудно задаваясь вопросом: а что на самом деле ей известно, что она позволяет себе знать?

Вы тоже вполне можете наблюдать такую женщину, к примеру в теленовостях, и, как бы внимательно ни вглядывались, ничего не различите. Вот она тихонько стоит возле своего мужа на ступенях здания суда. Тот настаивает на своей невинности, и она кивает и пожимает ему руку, потому что полностью верит в него.

Но что происходит, когда от нее убирают телекамеры, когда весь мир перестает за ней следить?

Передо мной встает привычная вроде бы картинка: вот эти двое у себя дома едят обыкновенный «пастуший пирог», как и любая семейная пара с их улицы. Но они совершенно не способны друг с другом говорить. Единственный звук, доносящийся от их стола, — это скрип ножей и вилок по фарфору, в то время как сами они борются с сомнениями и подозрениями, упрямо просачивающимися под дверь их жилища.

Потому что в отсутствие каких-либо свидетелей и всего, что отвлекает внимание, маски неминуемо сползают с лица.

Мне все время хотелось узнать — более того, я испытывала в том неодолимую потребность, — как такая женщина уживается с мыслью, что ее муж, ее избранник может оказаться страшным чудовищем.

Так появилась Джин Тейлор — тихая женщина, из тех, что я так часто видела на ступенях суда. Привлекшая мое внимание жена, с непроницаемым лицом наблюдающая, как ее муж дает показания.

В этом первом моем романе Джин рассказывает как предназначенную для публики, так и глубоко личную историю о любимом супруге и их почти счастливом браке, который словно опрокинулся вверх дном в тот день, когда в городе исчез маленький ребенок, а у их порога появились полицейские и журналисты.

Надеюсь, вам понравится моя книга. Писала я ее с большим удовольствием, за что безмерно благодарна своей героине Джин Тейлор и всем тем женщинам, что вдохнули в нее жизнь.

Фиона Бартон

Глава 1

Среда, 9 июня 2010 года

Вдова

Слышно, как она с хрустом приближается к дому по гравийной дорожке. Сурово как ступает на высоких каблуках! Вот она почти у двери — словно еще колеблясь, приглаживает волосы, убирая пряди с лица. Весьма неплохо одета: пиджак с крупными пуговицами, под ним вполне приличное платье, очки приподняты на голову. Явно не свидетельница Иеговы и не лейбористка. Скорее всего, одна из журналистской братии, просто какая-то необычная. За сегодня это уже второй визит прессы — и четвертый на неделе. И это у нас еще среда! Держу пари, она скажет: «Простите, что беспокою в столь нелегкое для вас время». Они все так говорят, делая при этом самое что ни на есть глупое лицо. Вроде как соперереживают.

Подожду — любопытно, позвонит ли она второй раз. Приходивший утром мужчина этого делать не стал. Некоторым откровенно бывает до смерти тоскливо пытаться ко мне попасть. Едва коснувшись пальцем звонка, они разворачиваются и спешно утопывают по дорожке, запрыгивают в машину и укатывают прочь. Наверняка тут же отзваниваются своему начальству: дескать, стучались в дверь, но ее не оказалось дома. Какая жалость!

Эта звонит дважды. Потом громко и решительно стучится — тук-тук-тук-тук! Точно полицейский. Внезапно замечает мое лицо в просвете сбоку от гардины и расплывается. Голливудской улыбкой, как сказала бы моя матушка. Затем стучится снова.

Когда я не выдерживаю и открываю дверь, она протягивает мне стоящую у порога бутылку молока:

— Вряд ли стоит его здесь держать: может скиснуть. Можно мне войти? Чайник вы случайно не ставили?

Я не в силах даже нормально дышать, не то что говорить. Она снова расплывается в улыбке, склонив голову набок.

— Я Кейт, — представляется, — Кейт Уотерс, корреспондент газеты *The Daily Post*.

— А я... — открываю рот, тут же спохватываясь, что меня она о том не спрашивала.

— Я знаю, кто вы, миссис Тейлор, — говорит гостя.

«Газетный материал», — слышится за этими словами.

— Давайте все-таки не будем стоять на пороге, — добавляет она, как-то между прочим просачиваясь в дом.

Я настолько поражена подобным поворотом, что не могу вымолвить ни слова, и мое изумленное молчание она расценивает как разрешение отнести в кухню бутылку молока и заварить мне чаю. Я недоуменно слеую за ней. Кухня у меня небольшая, и вдвоем нам делается немного тесно, поскольку Кейт начинает там суетиться, наливая чайник и открывая все шкафчики подряд в поисках чашек и сахарницы. Я же просто стою, ничуть не вмешиваясь в происходящее.

Она весело щебечет о моем кухонном убранстве:

— Как у вас тут мило, какая свеженькая обстановка! Вот бы мне такую кухонку! Вы тут все сами обустроили?

Такое ощущение, будто я разговариваю с подружкой. Совсем не так я представляла себе встречу с прессой.

Я ожидала, это будет больше походить на общение с полицией. Что меня ждет сущее мучение, настоящий допрос. Так, по крайней мере, говорил мой муж. Но, как ни странно, все оказалось совсем иначе.

— Да, — киваю ей, — мы выбрали гарнитур с белыми дверцами и взяли к нему красные ручки, потому что это выглядело удивительно опрятно.

Подумать только! Я стою посреди собственного дома с газетчицей, обсуждая с ней отделку своей кухни! У Глена точно бы случился припадок.

— Мне сюда? — спрашивает гостя, и я открываю дверь в гостиную.

Не могу с уверенностью сказать, против ли я, чтобы она туда зашла. Трудно понять, что я вообще в эту минуту чувствую. К тому же сейчас как будто не лучший момент, чтобы возмущаться: она просто садится с чашкой чая в руке и болтает без умолку. Забавно, но мне как будто даже нравится внимание к моей персоне. Теперь, когда не стало Глена, я ощущаю себя немного одиноко в этом доме.

Дамочка, похоже, из тех, что умеют править ситуацией и брать дело в свои руки. И на самом деле это даже здорово, что кто-то вновь готов мною руководить. Когда мне пришлось в одиночку разбираться со всем, что на меня свалилось, я едва не поддалась панике. Но Кейт Уотерс говорит, будто сумеет разрулить мои проблемы.

И все, что от меня требуется, уверяет она, это рассказать ей о своей жизни.

О моей жизни? Но ведь на самом-то деле обо мне ей знать и неинтересно. Она явилась к моему порогу вовсе не затем, чтобы слушать историю Джин Тейлор. Она рассчитывает узнать правду о нем. О Глене. О моем муже.

Понимаете, три недели назад мой муж погиб. Его сбил автобус прямо возле супермаркета «Сейнсбери». Все произошло невероятно быстро: вот он стоит рядом со мной,

ворча, что я купила не те хлопья, — и в следующую минуту он уже мертв. Обширная черепно-мозговая травма, как мне потом объяснили. Так или иначе, его вдруг не стало. Оцепенев на месте, я просто стояла и смотрела, как он лежит на асфальте. Люди кинулись искать, чем бы его прикрыть. На тротуаре оказалось немного крови. Совсем немного — Глен остался бы доволен. Он вообще не выносил пачкотни и грязи.

Все были так милы и внимательны со мной, все пытались убедить меня не смотреть на его тело. Но не могла же я сказать им, что на самом деле только рада его уходу! Что больше уже не будет этой его причуды.

Глава 2

Среда, 9 июня 2010 года

Вдова

Разумеется, полиция тут же наведальась в больницу. Даже детектив Боб Спаркс заявился в отделение «неотложки», чтобы поговорить со мной о Глене.

Я ничего не стала рассказывать — ни ему, ни кому-либо другому. Мол, говорить мне не о чем, и вообще, я слишком расстроена, чтобы о чем-то толковать. Всплакнула даже малость.

Инспектор Боб Спаркс давно уже прочно вошел в мою жизнь — уже более трех лет тому назад, — хотя с твоим уходом, Глен, он, надо думать, из нее исчезнет.

Ничего этого я, естественно, Кейт Уотерс не говорю. Мы сидим с ней в креслах гостинной, и она легонько покачивает ножкой, обхватив ладонями кружку с чаем.

— Джин, — подает она голос, уже не обращаясь ко мне как к «миссис Тейлор», — последняя неделя была для

вас, наверное, особенно ужасной? И это при том, что вам уже довелось пережить.

Я молчу в ответ, глядя себе в колени. Она даже представить себе не может, что я пережила. Да и никто на самом деле этого не знает. Я так никогда и не сумела кому-то об этом рассказать. Глен говорил: молчание лучше всего.

Некоторое время мы сидим в безмолвии, после чего гостья решает сменить тактику. Она встает с кресла и берет с каминной полки наше с Гленом фото, где оба мы чему-то смеемся.

— Вы здесь такие молодые. Это еще до того, как вы поженились?

Киваю.

— А вы до этого долго друг друга знали? Еще со школы?

— Нет, не со школы. Мы встретились однажды на автобусной остановке, — начинаю рассказывать я. — Он был очень симпатичным и сумел меня там чем-то рассмешить. Мне тогда было семнадцать, я стажировалась в парикмахерской в Гринвиче, а он работал в банке. Он был немного меня старше, носил солидный костюм и дорогие ботинки. Вообще, сильно от меня отличался.

Я стараюсь придать своим словам этакий романтический налет, и Кейт Уотерс тут же на это клюет — что-то быстро строчит в блокноте, взглядывая на меня поверх своих очочков, и этак понимающе кивает. Но меня-то этим не проведешь!

На самом деле ничего такого уж романтического в Глене не было. Свидания наши проходили главным образом в темноте: в кино, на заднем сиденье его «Эскорта» или в парке, — и особо о чем-то поговорить времени у нас не было. Зато я хорошо помню, как он впервые сказал, что любит меня. Я тогда вся пошла мурашками, ощущая буквально каждую клеточку своего тела. Первый раз в жизни я по-настоящему ожила. Я призналась, что тоже люблю

его — безумно люблю. Что не могу ни есть, ни спать, не думая о нем.

По дому я тогда бродила как во сне, и мама говорила, что с моей стороны это какая-то «одержимость». Не знаю точно, что она под этим подразумевала, но мне действительно хотелось быть с Гленом каждый день и час. И вдруг, представляете, он сказал мне, что чувствует то же самое! Мне кажется, мама меня просто малость ревновала. Ведь она во всем тогда рассчитывала на меня.

— Она чересчур за тебя цепляется, Джинни, — заметил Глен. — Это ж ненормально — везде и всюду ходить с дочерью.

Я попыталась объяснить, что мама просто боится выбираться из дома одна, но Глен сказал, что это всего лишь ее эгоизм.

Со мной он вел себя так покровительственно! В пабе занимал мне место подальше от барной стойки («Не хочу, чтобы тебе было слишком шумно»), а в ресторанах за меня заказывал блюда, чтобы я могла отведать что-нибудь новенькое («Попробуй-ка, Джинни. Тебе это непременно понравится»). Я послушно пробовала, и порой эти новые кушанья и впрямь были чудесными. Если же нет — я ничего ему не говорила, боясь задеть его чувства. Когда я что-то делала не так, Глен умолкал, уходя в себя, и мне это страшно не нравилось. Я чувствовала, будто его разочаровала.

Я никогда прежде не ходила с таким парнем, как Глен. С таким, который знает, чего хочет добиться в жизни. Другие были всего-навсего мальчишками.

Когда два года спустя Глен делал мне предложение, он не стал опускаться на колени. Он крепко прижал меня к себе и сказал:

— Ты принадлежишь мне, Джинни. Мы оба принадлежим друг другу... Давай поженимся.